

Иль на скамьѣ, какъ вамъ угодно,
 Въ избѣ негодной и холодной,
 Въ смертельной скукѣ и тоскѣ,
 Пишу къ вамъ, вѣтренные други!
 Пишу—и больше ничего,—
 И отъ поэта своего
 Прошу не ждать другой услуги.
 Я весь—разстройство!.. Я дышу,
 Я мыслю, чувствую, пишу,
 Разстройствомъ полный; лишь разстройство
 Въ моемъ разсудкѣ и умѣ...
 Въ моемъ посланьи и письмѣ
 Найдете вы лишь безпокойство!

. . . . .

И этотъ приступъ неприродный
 Васъ удивить навѣрно вдругъ.
 Но, не трактуя слишкомъ строго,
 Взглянувъ въ себя самихъ немного,
 Мое безумство не виня,
 Вы не осудите меня.
 Я тотъ, чѣмъ былъ, чѣмъ есть, чѣмъ буду,
 Не премѣнюсь, непремѣнимъ...
 Но ахъ! когда и гдѣ забуду,
 Что рокомъ злобнымъ я гонимъ?
 Гонимъ, убить, хотя отрада
 Идетъ однимъ со мной путемъ,
 И въ небѣ пасмурномъ награда
 Мнѣ свѣтитъ радужнымъ лучемъ.
 «Я пережилъ мои желанья»,
 Я долженъ съ Пушкинымъ сказать;
 «Минувшихъ дней очарованья»
 Я долженъ вѣчно вспоминать.
 Часы послѣднихъ сатурналій,
 Пировъ, забавъ и вакханалій,
 Когда, когда въ красѣ своей
 Измѣнять памяти моей?
 Я очень . . . . . какъ вамъ угодно;
 Но разныхъ прелестей Москвы
 Я истребить изъ головы
 Не въ силахъ... Это превосходно!
 Я вѣчно помнить буду радъ:
 «Люблю я бѣшеную младость,

